

«ФИЛОСОФИЯ ПОДОЗРЕНИЯ» В XX ВЕКЕ: БАРТ И БОДРИЙЯР

М. А. Емельянова

*Курский
государственный
университет*

В статье рассматривается актуальный вопрос о семиологических основаниях одних из самых известных французских критиков современности: Ролана Барта и Жана Бодрийяра. На основе работ философов раскрывается роль и значение денотации и коннотации в искусстве. Показывается место Барта и Бодрийяра в философской традиции «подозрения». В «философии подозрения» структура мысли представляется как взаимодействие условий её генезиса воспроизводства и её внутреннего содержания и смысла. На стыке этих двух сторон появляется поле возможных толкований мысли, а также возможность диалога в понимании мышления и интеллектуальной истории.

Ключевые слова: Ролан Барт, Жан Бодрийяр, семиология, семиотика, подозрение, означивание, текст.

Иммануил Кант в своей знаменитой «Критике чистого разума» заметил: «Умение ставить разумные вопросы есть уже важный и необходимый признак ума или проницательности»¹. Действительно, верно поставленный вопрос может стать основанием если не для системы, то для продуктивной критики. Одной из таких форм критики стала «философия подозрения» XIX в., успешно коррелировавшая с данными современной ей науки. Можно сказать, что всё нарастающее «подозрение» стало одним из главных умонастроений рубежа XIX и XX веков, ведь не будет большим преувеличением увидеть сходство между подозрительностью Маркса в отношении капиталистического производства, подозрительностью Ницше к старательно скрывающей свою генеалогию морали, подозрениями/прозрениями П. Жане и З. Фрейда относительно скрытых причин человеческих поступков и, наконец, открытием Рентгена, позволившим увидеть доселе скрытые тайны человеческого тела.

«Традиция подозрения» наиболее ярко прослеживается в XIX веке. В этот период появляется огромное количество новых научных подходов и установок. Разум сводят к инстинктам, духовное соотносят с плотским, человека сравнивают с животным. Для этого века характерны открытия «глубинных реальностей» таких выдающихся мыслителей, как Маркс, Ницше, Фрейд и т.д. Это своего рода «зрение из-под полы, украдкой, с тем, чтобы застигнуть объект врасплох, зрение, охватывающее «низы» и «низины» вещей и уверенно выдающее это за их основания»². Если Ницше вы-

¹ Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. С. 74.

² Визгин В. П. Постструктуралистская методология истории. М., 2004. С. 53.

рабатывает генеалогический метод, лучом подозрения выхватывающий перипетии исторического явления, сводя его к жизни и её проявлениям – к физиологии, к борьбе за власть, могуществу, инстинкту выживания, то у Маркса подозрение становится основной познавательной установкой.

Таким образом, в основе предпосылок развития «школы подозрения» (выражение П. Рикера) лежит исключение из антропологического и онтологического горизонтов категории доверия. Рикёр повторяет мысль Фуко: три «владельца сомнения», пользуясь искусством интерпретации, «открыли горизонты для более аутентичного слова, для нового закона истины», сделав понимание герменевтикой, так что «отныне искать смысл не значит разбирать по складам осознание смысла, а значит расшифровывать выражения смысла в сознании»³. Иными словами, Маркс, Ницше и Фрейд установили новое отношение между явным и скрытым.

В «философии подозрения» структуру мысли, по мнению В.П. Визгина, можно представить как взаимодействие её внешних особенностей («условий её генезиса воспроизводства») и её внутреннего содержания и смысла. На стыке этих двух сторон появляется поле возможных толкований мысли, а также возможность диалога в понимании мышления и интеллектуальной истории. Важно определить связь этих сторон. Например, как соотносится смысл с внешними готовностями или диспозицией, («прежде всего, социально-материального или психофизического плана»? «Установка на подозрение состоит в том, чтобы такое соотношение провести, легитимизировав его в философском дискурсе»⁴. Тем самым «философы подозрения» открывают новые перспективы для науки и философии.

Успех феноменологического движения на время заставил позабыть о «подозрении», но на рубеже 1950-60-х гг. новое поколение интеллектуалов повернулось к «философам подозрения» – Марксу, Ницше и Фрейд. Ролан Барт и Жан Бодрийяр были одними из главных продолжателей традиции «философии подозрения» в XX веке.

Творчество Барта можно считать философией подозрения по нескольким причинам. Одна из них заключается в том, что он под другим углом зрения смотрит на телеологизм метафизики, на платонизм, он пытается открыть в устоявшихся системах новые аспекты. Подобно своим выдающимся предшественникам – Марксу, Ницше и Фрейд, – он предложил особый подход, который позволил увидеть минусы властного дискурса, выдающего исторически сложившийся тип культуры за единственную существующую реальность.

Барт не признает автономности от естественного языка любой семиологической системы (это касается и изобразительного искусства). Такая точка зрения представляется спорной из-за своей узкой направленности лишь на дискурсивные, вербальные уровни смыслообразования, явно не учитывающая специфики визуального художественного знака. Барт в своих размышлениях приходит к выводу о том, что человек живет в мире, где знаковость выступает как всеобъемлющий феномен. Поэтому его пристальное внимание обратилось к методам семиотических исследований и самой семиотики. «С того мига, как возникает общество, всякое использование чего-либо становится знаком этого использования»⁵, – говорит Барт. Знаком может быть слово, фотография, звук, образ, жест и т.д. В процессе семиотического анализа происходит условное и временное отделение формы от содержания. При этом внимание сосредотачивается на системе знаков, составляющих текст. Барт «подозревает», что «весь мир есть знаковая система – бесконечно глубокий по своему смыслу текст»⁶. Наряду с более или менее твердым значением, которым обладает слово, оно также пропитано множеством текучих, изменчивых идеологических смыслов, которое слово приобретает в контексте своих употреблений. Барт, развивая исследования коннотации, в своих «Мифологиях» анализирует словесные и визуальные мифы, полностью

³ Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. Пер. И. Сергеевой. М.: «Academia-Центр», «Медиум», 1995. С. 231-232.

⁴ Визгин В. П. Постструктуралистская методология истории. М., 2004. С. 55.

⁵ Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 245.

⁶ Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 569.

следуя ельмслевскому критерию, собственную формулировку которого он дает в «Проблемах семиологии»: «... коннотативная система есть система, план выражения которой сам является знаковой системой»⁷. Именно Барт обратил внимание на то, что человеческое общество нуждается в фиксации вторичных смыслов, и в структуре языка заложена возможность удовлетворения этой потребности. Коннотативные смыслы характеризуют либо сам денотат, либо выражают отношение субъекта речи к ее предмету, раскрывают коммуникативную ситуацию, указывают на тип употребляемого дискурса и т.п. и поэтому они зависимы от социокультурного контекста. Барт утверждает, что коннотативные означаемые являются также сутью, «фрагментом идеологии», которые «натурализируются» благодаря коннотативным означаемым, принадлежащим денотативной системе»⁸.

Барт, описывая современные «мифы», определяет их как совокупность коннотативных означаемых, образующих латентный идеологический уровень дискурса. В функциональном же отношении назначение мифа оказывается двояким: с одной стороны, он направлен на деформацию реальности, имеет целью создать такой образ действительности, который совпадал бы с ценностными ожиданиями носителей мифологического сознания; с другой – миф чрезвычайно озабочен сокрытием собственной идеологичности, поскольку всякая идеология хочет, чтобы ее воспринимали не как одну из возможных точек зрения на мир, а как единственно допустимое (ибо единственно верное) его изображение, то есть как нечто «естественное», «само собой разумеющееся»; миф стремится выглядеть не «продуктом культуры», а «явлением природы»; он не скрывает свои коннотативные значения, он их «натурализует» и потому вовсе не случайно паразитирует на идеологически нейтральных знаках естественного «языка: вместе с наживкой, которой служат эти знаки, он заставляет потребителя проглатывать и крючок идеологических смыслов. Миф невозможно «убить» (он возродится, как Феникс), но от его власти можно освободиться, «объяснив» его, то есть аналитически разрушив его знаки; опыт такого объяснения-разрушения предпринят в работе «Миф сегодня»⁹. Именно поэтому у Барта коннотация приобретает идеологический смысл: «область, общая для коннотативных означаемых есть область идеологии»¹⁰. Барт приходит к выводу, что не бывает чисто денотативных языков, как не бывает языков «только» коннотативных. Любой язык представляет собой комбинацию высказанного и подразумеваемого, денотативного и коннотативного уровней.

Барт, как и все структуралисты, на пике популярности этого течения был склонен обещать научному сообществу некий универсальный исследовательский метод. А между тем, как очень верно выразился Дж. Куллер, «не существует никакого структуралистского метода, применяя который к тексту, всякий автоматически обнаруживал бы его структуру. Есть лишь своего рода внимание, которое можно назвать структуралистским...»¹¹. Или, добавим мы, вниманием «подозрения».

Барт оказал огромное влияние на формирование взглядов раннего Бодрийера. Не только в ранних, но и в поздних работах Бодрийера прослеживаются его идеи, задающие тон борьбы против различных мифологий.

Бодрийер подчеркивает: «Мысль должна играть роль разрушителя, быть элементом катастрофы, провокации во вселенной...»¹². Сверхкритическая направленность идей философа дает понять то, что он не согласен с тем, что его считают и «философом» и «социологом». Философы, по мнению самого Бодрийера зациклились на противопоставлении субъекта и объекта, на отношении к миру как «пространству детерминации». Подозрительный к любому телеологизму Бодрийер такой подход не при-

⁷ Барт Р. Риторика образа // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 412.

⁸ Барт Р. Избранные работы. М., Прогресс 2000. С. 30.

⁹ Косиков Г.К. Ролан Барт – семиолог, литературовед // Барт Р. Избранные работы. М.: Прогресс 2000. С. 3.

¹⁰ Косиков Г.К. Идеология. Коннотация. Текст // Барт Р. «S/Z». М.: Прогресс 2000. С. 4.

¹¹ Culler J. Structuralist Poetics. Structuralism, linguistics and the study of literature. L.; N.Y.:Routledge, 2002. С. 302.

¹² Бодрийер Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту. Екатеринбург, 2006. С. 59.

емлет. Мыслитель говорит, что он не «социолог», поскольку предметом его исследований является общество, где нет «самого понятия социальности». Идеологию общества Бодрийяр отрицает не только в силу «известного её косоглазия» (выражаясь языком мыслителя), но и принципиально, считая ее иллюзией, ведущей к тоталитаризму. Говоря об объективной реальности, он подчеркивает, что мы имеем дело с мистификацией. Реальное – это не что иное как «эффект симуляции». «Философы, например, Кант, показали, – рассуждает Бодрийяр, – что на пути к объективности вещей мы наталкиваемся на существенное препятствие... Наш опыт не в состоянии вместить в себя объективность вещей! Точно так же как и объективность качеств. Что такое, к примеру, объективная синева? Никакой синевы в себе не существует – она лишь термин, только и всего»¹³. Гиперкритицизм Бодрийяра приводит к тому, что вся человеческая жизнь предстаёт как гигантская мистификация.

К примеру, Бодрийяр «подозревает», что использование вещей для удовлетворения первичных потребностей – это всего лишь миф. На самом деле «прожиточный антропологический минимум» вообще не существует. Он определяется всего лишь в соотношении с «избыточным доходом». «Невозможно выделить некую абстрактную “природную” стадию нужды и абсолютным образом зафиксировать «то, что нужно людям, чтобы жить»¹⁴. Мифом является, говорит Бодрийяр, и сам эмпирический предмет. Предмет – это «ничто», всего лишь тип отношений и значений. В качестве примера автор приводит подарок, который неотделим от конкретного отношения. Он объединяет двух или более людей, символизируя их взаимоотношения, и поэтому не является самостоятельным предметом. Для индивида, получившего в подарок безделушку от близкого, дорогого человека, она может оказаться для него бесценной. У подобной вещицы «нет ни потребительской стоимости, ни меновой экономической стоимости: подаренный предмет обладает символической меновой стоимостью»¹⁵. Парадокс заключается в том, что как только предмет наделяется символическим значением, он становится автономным. В нем замечается «тотальное принуждение кода», который, в свою очередь, управляет социальной значимостью, а также социальной логикой обмена. Как только предмет стал знаком, он больше не наделяется своим собственным смыслом в частном отношении между обменивающимися предметами людьми, но осмысливается в различительном отношении с другими знаками.

Бодрийяр выделяет несколько логик восприятия предметов: функциональная логика потребительной стоимости или «логика практических операций», логика полезности; экономическая логика меновой стоимости или «логика эквивалентности», логика рынка; логика символического обмена или «логика амбивалентности», логика дара; логика стоимости/знака или «логика различия», логика статуса. В зависимости от того, с помощью какой логики определяется предмет, он соответственно способен наделяться «статусом орудия, товара, символа или знака»¹⁶.

Особое внимание следует уделить последней логике, так как она задает особе поле потребления. Бодрийяр приводит в качестве примера обручальное кольцо. Оно является символом брачного отношения, и мода на символическом уровне не играет никакой роли. Но его значение можно сравнить со значением обычного кольца, которое может быть красивым аксессуаром, подчеркивающим индивидуальность. Когда кольцо «вступает в созвездие моды», оно оказывается предметом потребления. Таким образом, философ считает, что важно понять, является ли символика неуничтожимой или все же может впасть в зависимость от моды, а также при каких обстоятельствах объект становится предметом потребления. Бодрийяр приходит к выводу о том, что «наш мир представляет собой вселенную абстрактных, бесплотных вещей, продолжающих жить исключительно по инерции, ставших симулякрами самих себя...»¹⁷. Понятие «симулякр» у Бодрийяра является ключевым. Оно помогает представить меха-

¹³ Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту. Екатеринбург, 2006. С. 115.

¹⁴ Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту. Екатеринбург, 2006. С. 84.

¹⁵ Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту. Екатеринбург, 2006. С. 61.

¹⁶ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М., 2003. С. 64.

¹⁷ Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту. Екатеринбург, 2006. С. 40.

низмы отношения (теоретического и практического) человека к миру, обществу, а также выяснить различные формы отчуждения человека от этого мира. То, что в глазах человека имеет ценность, на самом деле оказывается симулякром. По мнению Бодрийяра, человек живет в этом мире знаков-симулякром всю свою жизнь. В этом взгляд Бодрийяра совпадает с теорией Барта, который, в свою очередь, считал, что человек живет в мире коннотаций.

Подводя итог, можно с уверенностью назвать труды Барта и Бодрийяра философией подозрения и сопротивления. Парадокс заключается в том, что установка на подозрение сама легко подвергается подозрению. В результате создается обширное поле подозрительности, способствующее превращению замыслов и ценностей в иллюзии и оптические миражи. Философия подозрения также формирует проблему открытости основополагающего разума, обладая которой человек способен «впустить в горизонт допускаемого им свое другого». Но откуда бы ни шли импульсы действия людей, все они проходят через призму культуры. Бодрийяр обращает внимание на то, что мысль, играющая роль разрушителя предшествующих мифов «обязана оставаться гуманистической, внимательной к человеку»¹⁸. Таким образом, удерживать целостность мысли – значит удерживать вместе противоположности, в том числе подозрение и доверие. И только удержание подобных противоположностей открывает пространство возможных (и нужных) смыслов.

Список литературы

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989.
2. Барт Р. Избранные работы. М., Прогресс 2000.
3. Барт Р. Риторика образа // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989.
4. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М., 2003.
5. Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту. Екатеринбург, 2006.
6. Визгин В. П. Постструктуралистская методология истории. М., 2004.
7. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994.
8. Косиков Г.К. Идеология. Коннотация. Текст // Барт Р. «S/Z». М.: Прогресс 2000.
9. Косиков Г.К. Ролан Барт – семиолог, литературовед // Барт Р. Избранные работы. М.: Прогресс 2000.
10. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. Пер. И. Сергеевой. М.: «Academia-Центр», «Медиум», 1995.
11. Culler J. Structuralist Poetics. Structuralism, linguistics and the study of literature. L.; N.Y.: Routledge, 2002.

«PHILOSOPHY OF SUSPICION» IN THE XX CENTURY: BARTHES AND BAUDRILLARD

In clause pressing question about semiotics bases of one of the most known French critics of the present is considered: Roland Barthes and Jean Baudrillard. The purpose of these French scientists works is to investigate the ideological function of symbol complexes, the role and value denotation and connotation in art. Barthes' and Baudrillard's place in philosophical suspicion's tradition is shown in the article. The structure of thought is represented as interaction of conditions of its reproduction genesis and its internal maintenance and sense in «philosophies of suspicion». On a joint of these two parties there is a field of possible interpretations of an idea, and also an opportunity of dialogue in understanding of thinking and intellectual history.

M. A. Emelyanova

Kursk State University

Key words: Roland Barthes, Jean Baudrillard, semiology, semiotics, suspicion, signification, text.

¹⁸ Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту. Екатеринбург, 2006. С.59